

2015
февраль
№2 (188)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

ПАМЯТЬ И БУДУЩЕЕ

**Несмотря на всю свою чудовищность, а может быть, именно поэтому,
Шоа учит нас ценить и защищать жизнь**

В 2005 году ООН провозгласила 27 января, годовщину освобождения концлагеря Аушвиц, Международным днём памяти жертв Холокоста. Хотя по замыслу инициаторов этот памятный день должен был стать международным, в полной мере таковым он, к сожалению, не стал. Тем не менее, он способствует сохранению памяти о Шоа.

Однако День памяти жертв Холокоста должен напоминать не только о миллионах убитых, но и о ценности человеческой жизни. Здесь нет никакого противоречия, напротив, по замыслу ООН этот памятный день должен способствовать предотвращению нового геноцида. Но без уважительного отношения к жизни невозможно добиться того, чтобы ужасы прошлого никогда не повторились. Попытка «окончательного решения еврейского вопроса» стала возможной не в последнюю очередь потому, что убийцы не признавали абсолютную ценность и неприкосновенность человеческой жизни и считали себя вправе убивать людей по собственному усмотрению, уничтожить целый народ. К сожалению, и в наши дни неприкосновенность человеческой жизни не является общепринятой нормой.

Поэтому необходимо обратиться к фундаментальным ценностям. Не обязательно даже быть верующим человеком, чтобы признавать ценность человеческой жизни, которая следует из содержащегося в Танахе

рассказа о сотворении мира. Человек был создан по образу и подобию божьему. Это означает не то, что мы можем приписывать себе божественные качества, а то, что в каждом человеке есть нечто особенное, чем не могут распоряжаться другие люди.

Однако человеческую жизнь нужно не только уважать, но и защищать. Кстати, на этот счёт иудаизм имеет чёткие представления. В случае необходимости человек обязан защищать (в том числе и активными действиями) тех, чьей жизни угрожают убийцы. Для этого наши мудрецы установили строгие правила. В то же время они считали, что нельзя проявлять пассивность, если кому-то грозит убийство.

Кроме того, человеческая жизнь — это больше, чем просто существование. Мы не только заботимся о собственном выживании, но и стремимся придать нашей жизни смысл. Мы почитаем наших родителей и передаём любовь, полученную от них, своим детям. Мы вносим вклад в создание общества, основанного на морали и этике. Каждый из нас призван внести свой личный вклад в улучшение мира (тиккун-олам). Жертв Шоа лишили этого права, однако их смерть стала для нас наказом жить.

Более того, лишив своих жертв жизни, убийцы уничтожили и бесчисленные жизни в цепи будущих поколений. Те, кому не суждено было родиться, не имеют ни лиц, ни

имён, однако их отсутствие ощутимо и наполняет нас болью. Поэтому крайне важно заложить фундамент для такого будущего, в котором цепь поколений никогда не будет прерываться.

Люди, пережившие нацистский ад, как никто другой, продемонстрировали нам, как наполнить жизнь смыслом и значением. Те, кому удалось избежать смерти, всегда были и будут для нас примером. Говорят, что выжившие не жили, а существовали, то есть были не в состоянии вернуться в «настоящую» жизнь. При всём уважении, это абсолютно неверно.

Конечно, многие из тех, кто пережил Холокост, не смогли оправиться от телесных и душевных травм. И все они несли на себе отпечаток пережитых страданий. Однако большинству удалось, несмотря на тень прошлого, построить новую, полноценную жизнь. Они были и остаются свидетелем того, что человек способен подняться из самой глубокой пропасти. Тот, кто забывает это, не только совершает несправедливость в отношении выживших, но и недооценивает силу жизни, а ведь именно она особенно отчётливо проявляется на фоне Шоа. Вот почему, вспоминая о мёртвых, мы ещё больше ценим жизнь.

**Д-р Йозеф Шустер, президент
Центрального совета евреев в Германии
Zukunft, 2015**

ОНИ НИКОГДА НЕ СТАНУТ ВЗРОСЛЫМИ

К 70-летию освобождения Аушвица в галерее Харьковского музея Холокоста 20 января открыта выставка «Они никогда не станут взрослыми», посвященная еврейским детям, уничтоженным нацистами на оккупированных территориях. Фотографии, которые бережно сохра-

нили их родственники, соседи, знакомые, краткие истории жизни (так как сама жизнь была коротка), истории их гибели, стихи детей гетто и стихи о них, книги воспоминаний, написанные выжившими детьми, дневники детей тех лет, кто сгорел в огне Холокоста.

ДАЙДАЖЖЕСТ.Е

КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ ХАРЬКОВЧАН

Лариса Воловик

Исполнилось 115 лет со дня рождения человека, одно только имя которого сразу вызывает улыбку. Исаак Осипович Дунаевский. На его музыке выросло несколько поколений наших соотечественников. Фильмы «Веселые ребята», «Весна», «Дети капитана Гранта», «Цирк», «Волга-Волга», «Белая акация»... Песни, впервые прозвучавшие с экрана, начали самостоятельную долгую жизнь, независимую от породившего их кино. О композиторе Дунаевском написано много, но как-то ушел в тень тот отрезок его жизни, который относится к Харькову

ИСААК ОСИПОВИЧ ДУНАЕВСКИЙ

Харьковский период

Исаак Дунаевский родился 30 января 1900 года в Лохвице, небольшом украинском городке Полтавской области. (В самом центре городка на нынешней улице Гоголя стоит дом семьи Дунаевских. На нем мемориальная доска).

Отец Иосиф (Цали) Симонович (1865-1934) служил кассиром в Обществе взаимного кредита. Мать Розалия Исааковна (1874-1964) занималась воспитанием детей, неплохо пела, играла на стареньких клавирах и на скрипке. Дед Исаака был кантором местной синагоги. Он не только пел, но и сочинял песни.

Музыка звучала в семье Дунаевских постоянно, и немалую роль в этом играл брат отца — дядя Самуил, живший вместе с ними. У дяди был граммофон, единственный в Лохвице. Исаак верил, что его дядя волшебник — он устраивал домашние музыкальные вечера, на которых давал пояснения к исполняемым произведениям. Затаив дыхание, слушали здесь музыку и пояснения дяди его племянники. Сильное впечатление на Исаака произвел тогда романс Чайковского «Ночи безумные», записанный на пластинку в исполнении А.М. Давыдовой.

Семья посещала все спектакли заезжих украинских трупп. Безусловно, это не могло не отразиться на детях.

С 5-ти лет Исаак подбирал по слуху на клавирах все услышанное в доме и городе. В 6-ти летнем возрасте слушает фортепианные произведения Бетховена, Шопена, Чайковского, которые играл Н.Н. Дьяков, режиссер Лохвицкого Народного Дома, приглашенного к Борису для занятий по фортепиано (к этому времени старенькие клавиры сменило выписанное из Киева пианино фирмы «Дидерихс»). К этому времени он освоил ноты, увлекся скрипкой и вместе со старшим братом Борисом давал в Лохвицах концерты. Уроки скрипки начал брать в 8-летнем возрасте у Григория Полянского.

«Мне трудно сейчас сказать, как играл Полянский с точки зрения техники и мастерства. Возможно, он играл не очень хорошо. Потом, будучи уже студентом консерватории, я слышал почти всех мировых скрипачей. Но тогда, когда играл Полянский, мне казалось, что лучше в мире ничего нет... Я думаю, что именно в это время и именно в эти годы зародилась у меня любовь к мелодии, к певучести, которая очень сильно повлияла на мое композиторское творчество» (Из воспоминаний Дунаевского). Сочинять музыку Исаак начал в 10 лет, давалось это ему легко.

Неожиданно у него проявились и математические способности. Весной 1910 года вместе со старшим братом Исаак отлично сдает вступительные экзамены во вновь открытое реальное училище в Лохвице. Но в училище их не приняли из-за «процентной нормы», которая была установлена для евреев в царской России.

Ребята не огорчились, так как в случае неудачи их должны были отвезти в Харьков, где они будут заниматься музыкой. Чтобы получить «право на жительство» в Харькове, Борису пришлось срочно освоить профессию «подмастерья переплетчика», а Исаак был приписан к нему как «ученик переплетчика». По воспоминаниям старшего брата Бориса, когда они приехали в Харьков, приемные экзамены в музыкальное училище уже закончились, но их все-таки допустили к испытаниям: «Экзаменовал нас директор училища Илья Ильич Слатин. Исаак был зачислен по классу скрипки преподавателя Горского. Я был принят в класс Чеботаревой».

В тот же день отец приобрел для братьев форму училища Императорского русского музыкального общества (ИРМО) с позолоченными лирами на бархатных петлицах и с золочеными пуговицами на черных курточках. Мальчики, счастливые, ходили по улицам большого города. После размеренной провинциальной жизни в Лохвице их встретила кипучая атмосфера Харькова, крупного культурного центра с его универ-

ситетом, институтами, театрами, выдающимися деятелями науки, искусства, литературы.

Преподаватели в музучилище разделялись на старших и младших. Все старшие были с высшим музыкальным образованием, полученным в русских или зарубежных консерваториях. В училище принимались лица, не моложе 10 лет, по зачислению они получали статус учеников или вольнослушателей. Ученики посещали классы по всем предметам, художественным и научным, определенными учебным планом. Вольнослушатели разделялись на две категории. К первой относились те, кто посещали класс избранного специального предмета, могли посещать все классы обязательных предметов (или некоторые из них по собственному выбору); во второй — занимавшиеся, кроме музучилища, в других учебных заведениях. Полный курс по художественным предметам длился 6 лет (нижшее, среднее и высшее отделения, в каждом по 2 года) и по научным предметам 4 года. Было и подготовительное отделение с годичным сроком обучения. Учебный год начинался 1 сентября и заканчивался 1 июня. Новизна обстановки в музучилище, новые люди стимулировали занятия Исаака в классе «старшего ординарного преподавателя игры на скрипке и альте» Константина Киприановича Горского. Старший брат Борис, не менее успешно, занимался в классе «младшего преподавателя игры на фортепиано» Александры Яковлевны Чеботаревой. По окончании подготовительного отделения (по результатам полугодичных и весенних экзаменов) Исаак сразу был переведен на третий курс. Однако занятия по скрипке с преподавателем К. Горским приносили все меньше и меньше удовлетворения. Особенно остро это стало ощущаться маленьким скрипачом после зимних каникул, проведенных в Лохвице: слишком отличался суховатый и несколько педантичный преподаватель музучилища Горский от порывистого,

Иосиф Ахрон

эмоционального лохвицкого скрипача Г. Полянского.

К счастью, в 1913 году, по воле случая, Дунаевский оказывается в классе приглашенного из Петербурга нового преподавателя Иосифа Юльевича Ахрона — блестящего скрипача, культурного музыканта и композитора, ученика прославленного скрипача Л. Ауэра.

Это был очень требовательный, строгий и вместе с тем обаятельный педагог, принесший в училище атмосферу подлинного искусства. Занимаясь у Ахрона было необычайно интересно. Его блестящая игра увлекала беспредельно и не могла не вызвать желания подражать ему. С этого момента начинается самая яркая пора занятий с «ординарным преподавателем игры на скрипке и альте» И.Ю. Ахроном, которому Дунаевский в своих воспоминаниях отводит особое место: «Он был не только моим педагогом, но и старшим другом — воспитателем; ему я обязан своей музыкальной культурой, как и первыми композиторскими работами вполне профессионального характера...»

Еще в Лохвице было решено: если мальчиков примут в Харьковское музыкальное училище, то одновременно с занятиями музыкой они будут готовиться к поступлению в гимназию. Наконец, и эта подготовка окончена. К учебе в музыкальном училище прибавились занятия в частной мужской гимназии «Общества 2-й группы преподавателей», куда братья Дунаевские поступили в 1912 году (старший Борис — в пятый класс, младший Исаак — в третий). Поступление в

гимназию освобождало мальчиков от посещения общеобразовательных предметов в музучилище. В отличие от казенных учебных заведений в этой гимназии царил редкая для того времени обстановка, которая оказала значительное влияние на формирование мировоззрения будущего композитора. Педагогический коллектив гимназии состоял в основном из молодых, прогрессивно настроенных людей; впоследствии некоторые из них стали видными учеными. Среди них — академики Л.А. Булаховский, В.П. Бузескул, А.И. Белецкий, профессора М.П. Самарин, П.М. Ерохин и другие.

Директор гимназии Николай Николаевич Кнорринг — разносторонне образованный человек, превосходный музыкант-любитель — большое внимание уделял эстетическому воспитанию учащихся. Он был инициатором многих музыкальных начинаний в гимназии и сам руководил ученическим струнным оркестром. Братья Дунаевские сразу же активно включились в музыкальную жизнь гимназии и часто выступали на вечерах: сначала с сольными номерами (Борис как пианист и декламатор, Исаак как скрипач). Позже, как участники трио, квартета и струнного оркестра. В этом оркестре под управлением автора исполнялись и первые сочинения молодого Дунаевского.

«На моих глазах развертывалось музыкальное дарование Исаака, — вспоминал об этом времени Н. Кнорринг. — При его способностях можно было ждать, что из него выработается прежде всего скрипач-виртуоз... Но Исаака тянуло к творчеству. ... Его опыты в области композиции начали обращать на себя внимание... Я очень любил его импровизацию: когда он забегал ко мне по какому-нибудь делу, я усаживал его за пианино и заставлял играть что-нибудь свое...»

Здесь, в гимназии состоялось блестящее выступление Исаака Дунаевского в роли адвоката на «суде» — диспуте над Борисом Годуновым, устроенном на уроке истории. Здесь же за отличную учебу при переходе из класса в класс он неоднократно получал премии в виде клавиров опер и других нотных изданий. Здесь же после окончания гимназии Дунаевский проводил уроки хорового пения, замещающий Кравцова Петра Ивановича, известного харьковского врача и музыканта.

«Но особенно дорога мне память о вечерах, — вспоминает Кнорринг, — когда, обычно под воскресенье, братья Дунаевские являлись ко мне домой со своими инструментами... и мы с наслаждением предавались музицированию». В этом домашнем квартете партию первой скрипки исполнял Исаак, второй — Н. Кнорринг, на альте играл Борис, на виолончели — В. Каврайский, школьный товарищ Н. Кнорринга, живший в то время у него (впоследствии контр-адмирал, профессор Ленинградского университета, лауреат Государственной премии).

Со своим любимым гимназическим учителем Николаем Кноррингом, парижским эмигрантом, Дунаевский впоследствии бесстрашно переписывался в сталинские времена, что было тогда крайне опасно

Продолжение на с. 4

ХАРЬКОВСКИЕ ХРОНИКИ

25 января Харьковский музей Холокоста принимал 2-го секретаря посольства гос. Израиль в Украине, директора Израильского культурного центра в Харькове г-жу Нели Шульман и молодежную группу «Цофим», для которых были проведены экскурсии в самом музее и по выставке «Они никогда не станут взрослыми». Молодые люди встретились с Ниной Михайловной Лактионовой (дев. Криничанская), пережившей ребенком ужасы оккупации. Ее маму убили нацисты как еврейку, а маленькую девочку прятали в детдоме села Харьковской области. Детдом назывался «патронат», в нем содержали детей, чьи родители умерли от голода 1933 года. (Детей никому не пришло в голову эвакуировать — просто оставили в оккупации). Нину прятала среди детей патроната его директор Марфа Яковлевна Кухаренко, украинка, бабушка Нины по отцовской линии. Нина выжила, училась, окончила ФЗУ (фабрично-заводское училище), институт. Успешно работала, вышла замуж. Родила дочь. У нее сейчас пять внуков и четверо правнуков. Один внук — музыкант, второй — отслужил в Армии обороны Израиля. Сама Нина Михайловна, по складу характера человек очень активный, участвует во всех наших мероприятиях, уже 7 лет посещает занятия группы «Байт ле-Мидраш» по изучению еврейских классических текстов и традиций в музее Холокоста.

В память о маме у Нины остались лишь три фотографии и мамина шелковая шаль, которую вместе с фотографией она передала в Харьковский музей Холокоста.

Участники молодежной группы «Цофим» со своей стороны рассказали об историях своих семей, о том, как удалось спастись их бабушкам и прабабушкам, когда мужчины были на фронте, зажгли свечи в память шести миллионов евреев, среди которых были и их родственники, уничтоженные нацистами.

26 января для школьников 10-х классов общеобразовательной школы были проведены экскурсии в музее Холокоста и по выставке с показом фильма «Аушвиц», Польша.

27 января харьковчане посетили Мемориальный комплекс на месте бывшего гетто и место расстрела евреев в Дробицком Яру, где была проведена Церемония памяти жертв Холокоста.

В этот же день прошел Вечер памяти в Израильском культурном центре, посвященный 70-летию освобождения Аушвица, подготовленный молодежной группой.

29 января встреча, организованная Харьковским областным комитетом «Дробицкий Яр», Харьковским музеем Холокоста, городской организацией бывших узников гетто и концлагерей и христиан-спасителей и Харьковской синагогой, в большом зале которой и собрались приглашенные, заключила мероприятия, посвященные 70-летию освобождения концлагеря Аушвиц и Международному дню памяти жертв Холокоста.

Встречу не обошли вниманием телевизионщики и пресса. Они предусмотрительно пришли пораньше, чтобы взять интервью у тех, кого непосредственно коснулась трагедия Холокоста — ведь их в зале собралось достаточно много.

К сожалению, каждый год наши ряды редеют, многим просто тяжело прийти, заказали такси, пришли с сопровождающими, но пропустить встречу они не могли.

Они смогли все пережить, не только выжить, но и достойно прожить свою жизнь, дав миру не одно новое поколение.

Фотографировала Юлана Вальшинок

ПАМЯТЬ И НАСТОЯЩЕЕ

ОТЦЫ И ДЕТИ XX ВЕКА

В дни освобождения Аушвица в наших местах проводится масса всевозможных мероприятий. О дежурных говорить неохота, о них скажут платные агитаторы. Расскажу о том, как два года назад я посетил встречу с Никласом Франком, сыном Ганса Франка...

Ханс Михаэль Франк (в русской орфографии имя пишут Ганс Франк, нем. Hans Michael Frank, 23 мая 1900, Карлсруэ, Баден-Вюртемберг — 16 октября 1946, Нюрнберг, Бавария) — адвокат, нацистский государственный и политический деятель. Был личным адвокатом Гитлера, затем рейхс-министром юстиции Германии. Позднее генерал-губернатор оккупированной Польши (1939-1945). Рейхслайтер.

Прочитываю «палача Польши»: «Евреев необходимо уничтожить, где бы они нам ни встретились. Всех польских евреев мы не можем расстрелять или отравить газом, поэтому необходимо изыскивать средства для их уничтожения в больших количествах...»

Никлас, как-то резко, сразу, как только объявили начало вечера, стал читать отрывки из своих книг «Отец. Расчет», и «Моя немецкая мать». Например, такое: ослабевших военнопленных сажали на осла, тот взбрыкивал, и люди падали в дорожную пыль. Их снова сажали, они снова падали... «Как я тогда смеялся! До слез... — читал Никлас Франк. — Стояла прекрасная погода. Потом мы пили с отцом какао. День удался!»

Или такое: в начале сороковых годов любимый сын юриста, увидев, как на

улице расстреливают стариков, женщин, детей, спросил отца: «а зачем, собственно, расстреливают этих людей?» В ответ всемогущий генерал-губернатор швыряет вилку, вскакивает и кричит на сына: «Я не хочу об этом знать! Не желаю ничего об этом слышать!» и уходит из столовой...

Никлас дал показания против отца на Нюрнбергском трибунале. Осуждение общества и окружения, последовало незамедлительно. В самом деле — выступить против отца, тем более отца, о котором сам он говорит: «Он был просто оппортунистом, делал все для семьи, для нашего, так сказать, благополучия... Воровал картины, бриллианты, которые после войны давали нам возможность выжить... Благодаря тем еврейским бриллиантам, я пил молоко, и сию тут перед вами...». Особенно его поразили слова отца, в последний день, перед казнью: «Иисус, дай нам жить, дай нам любить...». Он не верит отцу, ни одному его слову. А ведь Г. Франк каялся — и кто знает... Но сын безжалостен — «это все была игра, вранье, он был абсолютно циничный человек...»

«Моего отца казнили в Нюрнберге, а я будто приговорен к пожизненному заключению, — говорит Никлас Франк. — До конца дней своих я буду жить с чувством глубокого стыда за то, что он сотворил.»

Когда он написал книгу об отце и стал ездить по школам, чтобы рассказывать о страшных временах нацизма, его братья и сестры, за исключением лишь старшего брата, порвали с ним всякие отноше-

ния. А старший брат (Норман) лишь повторял: «Я люблю своего отца, это наш отец». Он стал алкоголиком, старший брат, и Никлас безжалостно описывает его последние дни, в больнице... Особенно страшно звучат слова о составе мертвого тела брата — химические формулы, вот и все... Жесткость Н. Франка, сродни жестокости хирурга. И вместе с тем — присутствие юмора создает тот удивительный коллаж искусства XX-XXI века — высмеивание всего, сквозь которое прорывается огромная любовь, доброта и надежда. Они опомнятся, они опомнятся, Г-споди, они опомнятся...

В начале вечера мне даже казалось, что Н. Франк делает деньги на имени своего отца, но когда я услышал столь откровенные описания, столь честные отзывы о семье, я был потрясен.

Кроме того — Никлас Франк — еще и крестный сын Гитлера, и надо было слышать, как он отзывался о фильме «Дети Гитлера», где израильским режиссером были собраны дети известных нацистов. Вот в этом он видит некую глупую моду, некий поиск сенсации, он как бы разоблачает нынешний «фестиваль Холокоста», и дерзко звучат его слова в притихшем зале: «Во всех этих случаях, я как будто слышу голос своего отца, который самодовольно повторяет: «А-а, ты тут, благодаря мне, сынок, это я убивал этих людей...»

Представ перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге после падения Третьего рейха, Г.Франк объявил о своем переходе в католицизм, униженно признавал свою вину и просил

прощения у Б-га. «Я считаю этот суд, — говорил он, — мировым судом Б-жьей воли, предназначенным разобраться и положить конец ужасной эпохе страданий при Адольфе Гитлере... И голос сына сейчас: «Нет, отец не имел планов бежать, он даже дневники свои берег, чтобы передать их американцам. Он не видел никакой проблемы в том, что они делали... Он был уверен, что ценен, как великий творец истории, а потом в Нюрнберге он просто врал, как когда-то врал Гитлеру...». Помолчав, он добавил: «Вообще, люди врут, знаете ли...»

И улыбнулся.

Я не стал задавать публичных вопросов. Я не верю в современную публику. Я верю в тихий ветер, который вдруг появляется из-за гор и меняет настроения общества. Возможно, это моя вина. Возможно.

Поэтому я только подошел к этому человеку, после того, как он подписывал свои книги, и сказал ему: «Я приехал сюда из Украины. И пишу на тему своих немецко-еврейских родных... Понимаете — отец моего кузена служил вахманом в Трестинке — это я узнал только недавно... А мой дед по еврейской линии, работал в НКВД, в 30-х годах... И мне очень трудно об этом высказаться...». «Вы пишете об этом! — восхитился Н. Франк. — Как здорово! Делайте это... Это все что нам остается... И еще — гротеск...»

Иначе ведь можно с ума сойти, добавлю я от себя. Просто сойти с ума, когда понимаешь, что есть такое — Человек. Еще и который желает «звучать гордо».

Артур Фредекинд, Кобленц, Германия

ИСААК ОСИПОВИЧ ДУНАЕВСКИЙ

Продолжение. Начало на с. 2

Много лет спустя писал он Н. Кноррингу: «Дорогой Николай Николаевич! ... я не забыл Вас и не мог забыть чудесных воспоминаний моей гимназической юности, наших музыкальных вечеров, путешествий к Вам на Карповку... наши обратные путешествия от Вас на Грековскую улицу, когда, полные музыкальных впечатлений, наперебой распевали на ночных улицах Харькова любимые темы, невольно ускоряя и замедляя темп шага... Могли ли бы вы тридцать пять лет тому назад думать, что маленький музыкант, поклонник Бетховена и Чайковского, Брамса и Бородина сможет стать мастером «легкого жанра»? Впрочем, именно моя солидная музыкальная закваска помогла мне и помогает творить легкую музыку серьезными средствами».

Совмещая учебу в музыкальном училище и гимназии, Дунаевский много и упорно работает. Уже на втором году обучения в музучилище он играет скрипичные концерты Крейцера и Моцарта. Фамилии Исаака Дунаевского, Эйбы Лазарева, Ансельма Свицкого и др. учащихся, занимавшихся в классе И.Ю. Ахрона, часто встречаются в программах учебных концертов. Участвует И. Дунаевский и в публичных концертах наиболее успевающих учащихся всех курсов и специальностей. Успешные выступления Исаака Дунаевского в ученических концертах быстро привлекли внимание слушателей — сокурсников, преподавателей и любителей музыки. Нередко на этих концертах присутствовал и отец Дунаевского, который приезжал в Харьков с «инспекционными» целями. Однажды при исполнении Исааком IV части «Романтического концерта» Годара на скрипке лопнула струна. Продолжить игру на трех струнах не уда-

лось. Но исполнитель все же доиграл концерт через 2-3 номера, заменив на скрипке лопнувшую струну, что вызвало восторг аудитории.

Еще больший успех в другом выступлении сопутствовал исполнению Концерта Мендельсона (в этот раз, на всякий случай, была заготовлена запасная скрипка). Несмотря на то, что в концертном зале училища было категорически запрещены аплодисменты, слушатели аплодировали. Илья Слатин, посоветовавшись с Ахроном, который сидел в зале зади него, послал кого-то за кулисы с разрешением Исааку выйти в зал и поклониться публике. «Смущенный, улыбающийся Исаак появился на эстраде и неловко поклонился. — вспоминал его брат Борис. — Вскоре приехал отец, и Иосиф Юльевич, ссылаясь на успехи ученика, настойчиво потребовал заменить учебную скрипку Исаака концертным инструментом. Так была приобретена скрипка «Амати». Новый инструмент звучал замечательно». (Скрипки Амати, камерного типа, отличаются изяществом формы, красотой и нежностью звука).

От выступления к выступлению совершенствуется исполнительское мастерство юного скрипача, расширяется и музыкальный кругозор будущего композитора. Кроме занятий этому способствовала вся музыкальная жизнь Харькова. Только в сезоне 1913/14 гг. в музыкальных собраниях Харьковского отделения Русского музыкального общества прозвучали произведения Баха, Бетховена, Вивальди, Моцарта, Брамса, Чайковского, Шумана, Листа, Рубинштейна, Вебера, Римского-Корсакова, Рахманинова, Скрябина и др. Оркестром дирижировали Малько, Василенко, Слатин; с исполнением сонат Бетховена выступили профессора Петроградской консерватории А.Н. Есипова и Л.С. Ауэр, а Концерт

для скрипки с оркестром П.И. Чайковского исполнил И.Ю. Ахрон.

Концертные выступления учителя для Дунаевского были большим стимулом в работе над собой. Об этом говорит и концертный репертуар Исаака 1915/16 учебного года — последнего года занятий с И.Ю. Ахроном, который оставил службу в музучилище с 1 июня 1916 года для исполнения воинской повинности.

... Интересно заметить, что в эти же годы в Харьковском музучилище занимались и выступали в концертах Дмитрий Клебанов, Давид Прицкер, Олесь (Александр) Чишко, Алексей Рябов, ставшие впоследствии известными композиторами.

Дунаевский проявляет незаурядные исполнительские данные. Его концертный репертуар включает серьезные произведения скрипичной литературы (вплоть до Концерта Чайковского), но молодого музыканта всё больше и больше увлекает творчество.

Имя Дунаевского, как интересного исполнителя и начинающего композитора, приобретает все большую и большую известность в артистических и музыкальных кругах города. Его приглашают участвовать в концертах профессиональных артистов. Так, в 1916 году на вечере в пользу раненых, Исаак Осипович выступал с артисткой харьковского драматического театра Евгенией Леонтович; она читала стихотворение Т. Щепкиной-Куперник «Брюссельские кружевницы» на его музыку. Эмоциональный, романтически настроенный Исаак в эти годы переживал свое первое сильное увлечение Евгенией Леонтович, театральной звездой Харькова времён гражданской войны. Большинство пьес этого периода овеяны чувством грусти и тоски, посвящены «Ей — одной, единственной...»

Продолжение читайте в следующем номере

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор Лариса Воловик

Верстка Сергея Рожкова

Наш адрес: 61024, Украина,

Харьков, ул. Петровского, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Типография издательства «Харків»

Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 5.03.2015 г.

Заказ № 5-0012

Подписной индекс 21785

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»